

Константин ОРБЕЛЯН:

Известия. — 1999 — 28 июля. — с. 5

Работать с оркестром Светланова — свалившееся с неба счастье

За дирижерским пультом Государственного академического симфонического оркестра, которым 35 лет руководит Евгений Светланов, скоро появится Константин Орбелян. Его должность — творческий директор оркестра. Значит ли это, что Константин Орбелян оставит созданный великим Рудольфом Баршаем академический камерный оркестр России, руководителем которого от стал в 1991 году?

— Нет, я останусь с удивительными музыкантами, принявшими меня в свою семью восемь лет назад. У нас серьезные планы. Но работать с оркестром Светланова — не только свалившееся с неба счастье, но и особая школа. Светланов сопровождает меня с юных лет: я играл его фортепианные пьесы в Джульярдской консерватории в Нью-Йорке, где учился, включал его произведения в свои концертные программы, старался осваивать его дирижерские уроки. Не знаю, что именно сыграло решающую роль в его выборе, но лично я сразу сказал «да».

Творческий директор — должность-то новая, необычная...

— Мне предстоит обеспечивать творческую и гастрольную деятельность оркестра, считающегося номером первым в нашей оркестровой иерархии — наподобие Большого театра среди музыкальных театров страны. В связи с исключительной популярностью Евгений Федорович, что называется, нарахвал в сегодняшнем музыкальном мире. Оркестранты редко видят своего художественного руководи-

теля. А в оркестре идет смена поколений и, если откровенно, — смена настроений. Между тем большой творческий коллектив обязан быть слаженным, не случайно есть выражение «как оркестр». Очень важно правильно организовать репетиционный процесс, без промедления отзываться на все происходящее в творчестве, ведь только в 2000-м году предстоит выступить в Испании, Японии, Франции, США, Германии.

Вы уверены, что хватит сил и на свой оркестр, и на светлановский?

— Так щедро судьба одаривает работой, наверное, один лишь раз в жизни, и грех не попытаться. К тому же дирижерами в оркестр приглашены В. Синайский, А. Лазарев — а это крупные мастера, яркие личности.

Среди ваших забот остается и основанный вами ежегодный музыкальный фестиваль «Дворцы Петербурга»...

— Посмотрите на Спивакова. На отдых, на личную жизнь у него остается всего ничего. Впрочем, это и есть настоящая радость дирижера.

Вы, как известно, гражданин США, родились в Сан-Франциско, в России всего восемь лет. А ваша русская речь такая чистая...

— Моя мама русская, я всегда говорил по-русски, читал русские

книги, изучал и сам играл в разных странах русскую музыку. У нас в семье издавна считалось, что именно я вернусь в Россию, раз уж родители — люди пожилые. Редко бывает, чтобы мечта осуществилась с такой точностью.

Его дед был расстрелян в 37-м. Бабушка, жена «врага народа», отсидела десять лет. Вот почему его отец Гарри, попав в плен в одном из беспорядочных отступлений, помотавшись по фашистским концлагерям и оказавшись в 46-м году в пункте для перемещенных лиц, из боязни попасть в Сибирь согласился на Америку. Там встретил девушку из Харькова, Веру Вознесенскую: они познакомились еще в Германии, куда ее угнали в 43-м. И вот свиделись снова и навсегда: чем не голливудская история! Сына назвали Костей в честь младшего брата Гарри Константина Орбеляна, ставшего в СССР прославленным джазовым дирижером и композитором.

Как вам живется в Москве? Освоились? Или чувствуете себя, словно на затянувшихся гастролях?

— Я уже сказал: я — дома. Работаю с музыкантами высочайшего класса. Никакой ностальгии по Америке — там я бываю достаточно часто, и не один, а с оркестром, каких в Штатах еще надо поискать. От коллег, начинавших дирижерскую карьеру в России, меня отличает, пожалуй, лишь одно: мне до сих пор было неведомо, что такое государственная финансовая поддержка. Мы работаем на западный манер, то есть обходимся своими силами, зарабатывая главным образом на зарубежных гастролях. С государственной поддержкой мне только

предстоит столкнуться в оркестре Евгения Федоровича — там это, видимо, необходимо: все-таки огромный коллектив, сложное хозяйство.

Как пианист вы играли со многими оркестрами. А со светлановским приходилось?

— В 88-м году. Во Франции. Концерт Арама Хачатуряна. Правда, дирижировал тогда Валерий Гергиев.

А как происходила решающая беседа с Евгением Федоровичем?

— Он рассказывал о своей жизни, своем восприятии того или иного композитора, об оркестре и оркестрантах. И мечтал, представьте себе, о новых программах, гастролх, концертах. Светланов — великий музыкант, один из последних могокан уходящего века. Для меня — по первой профессии пианиста — еще важно, что он тоже пианист, ученик Нейгауза. Я понял: он верит, что я смогу организовать его музыкантам интересную работу. Пушкин говорил о возвышающем обмане как условии вдохновения. Насчет обмана не уверен, но нечто возвышающее необходимо для творчества. Все оркестры, все творческие коллективы одинаково переживают подъемы и спады, это закон их природы. Все дело в том, чтобы подыму — время, спаду — час. Когда у музыканта есть интересная работа, ни на что другое времени, слава Богу, не остается.

Георгий МЕЛИКЯНЦ